

Секция «История России с древнейших времен до начала XX века»

Формирование образа Февральской революции в периодической печати как механизм адаптации населения Сибири к новым политическим реалиям (весна 1917 г.)

Захарова Ксения Леонидовна

Аспирант

Институт истории СО РАН, Сектор истории общественно-политического развития,
Новосибирск, Россия

E-mail: roxana1990@mail.ru

Февральская революция, разрушив привычную для общества систему координат его существования, систему с устоявшимися образами, стереотипами, ценностными установками, поставила перед жителями России задачу приспособления к постреволюционным условиям. Чтобы адаптироваться к новым обстоятельствам, обществу необходимо было понять, что эти обстоятельства собой представляют, что является собой произошедшее в стране событие — революция.

В 1917 г. газетная пресса являлась самым массовым средством распространения публичной информации, а также наиболее мощным инструментом пропаганды и манипуляции общественным мнением. С помощью публикаций в прессе в общество транслировался ряд стереотипов — образцов восприятия и интерпретации ключевых характеристик Февральской революции. Решалась важная для каждого индивида и общества в целом проблема необходимости самостоятельного реконструирования произошедшего события, поскольку «попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и способы обобщения, утомительна» [1, с. 103]. Вместо этого обществу, нуждавшемуся в восстановлении устойчивого равновесия, предлагался готовый и более или менее упорядоченный комплекс образов, который должен был вписаться в общую картину мира. Тем самым пресса выступала в роли средства, адаптирующего общество к новым условиям его существования.

Употребляемые в публикациях слова-индикаторы позволяют реконструировать содержание образа революции, формировавшегося прессой. Событие преподносилось читателю, а затем и воспринималось им как некий праздник: «Сразу повеяло чем-то новым и радостным. Спокойствие образцовое, чувствуется великий праздник!» [2]. О революционных событиях говорили как о начале новой, светлой жизни. «Заря», «весна» — часто употребляемые в публикациях лексемы, связанные с темой «начала». Отсчет времени велся от 10 марта — дня, когда по всей стране прошли праздничные манифестации, посвященные революции, которые трактовались как начало новой эпохи. Главными ценностями этой эпохи должны были стать свобода, равенство, единство народа — идеологемы, представленные в прессе в различных художественных формах. Революцию сравнивали с Синей птицей, Воскресением России [3]. И это не случайно. Люди жили ожиданием светлого праздника Воскресения — Пасхи. То, что революция произошла накануне такого значимого события, казалось знаковым, и эта мысль активно транслировалась прессой. Квинтэссенцией образа революции, созданного в периодической печати, стало отождествление революции с чудом — категорией, прочно вписанной в фундамент русской культуры. Отсылки к религии, пасхальные мотивы позволяли успешнее интегрировать пропагандистский материал в привычную для аудитории систему ценностей. Усиление эффекта положительного содержания образа революции достигалось за счет его выписывания на фоне дискредитируемого образа прошлого, образа старого правительства, которое «рухнуло в грязь, с которой сроднилось» [4].

Жанровое разнообразие газетных публикаций способствовало многоканальной трансляции образа революции в читательскую среду, а также позволяло воздействовать на

читательскую аудиторию разной социальной среды и культурного уровня. Так, аналитические статьи, цель которых заключается в истолковании событий и явлений, хотя и были пронизаны революционным пафосом и эмоционально наполнены, но все же были рассчитаны на образованный круг читателей. Тогда как публикация стихотворений, посвященных «святым дням» [4] революции, должна была найти отклик среди широких слоев населения. Апеллируя к чувствам, образному мышлению, стихи, даже являясь слабыми с художественной точки зрения, были сильным инструментом воздействия на сознание читателей. Репортажи, описывавшие происходившее на митингах и манифестациях, позволяли читателям почувствовать сопричастность к этим событиям, разделить впечатления их непосредственных участников. «[...] Шумно на улице. Чувствуешь, что улица чем-то охвачена, чему-то радуется, чем-то волнуется. Каким-то божественным огнем сверкают глаза. Растроганные, радостные лица. Здесь и там люди друг друга поздравляют», — такой тон задавала пресса [5]. Очерки о событиях в городах и селах Сибири, письма с мест позволяли увидеть масштаб явления, о котором говорили повсюду. Нередко авторы писем — зачастую малограмотные люди — излагали свои мысли витиевато, порой бессвязно, но оттого более искренне, что позволяло достичь большего взаимопонимания между автором и читателем, и читатель начинал воспринимать мысли автора как свои собственные.

Проведенный анализ газетных публикаций позволяет выявить набор ценностей и базовых характеристик, из которых складывался образ Февральской революции — образ, способствовавший принятию обществом произошедших событий. Также изучение газет демонстрирует, что в руках прессы имелся богатый арсенал механизмов формирования, трансляции и закрепления образа революции в общественном сознании. В условиях неустойчивого и ненадежного существования, когда массы остро нуждались в ценностных ориентирах и были более склонны к восприятию новых идей, газеты являлись мощным инструментом адаптации, ставшей одной из важнейших задач времени, решение которой было необходимо для выживания и нормального функционирования общества. На начальном этапе существования постфевральской России прессе удалось внести эффективный вклад в решение этой задачи.

Источники и литература

- 1) Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
- 2) Сибирская жизнь (Томск). 1917. 15 марта.
- 3) Сибирская жизнь. 1917. 3 марта.
- 4) Сибирская жизнь. 1917. 5 марта.
- 5) Голос Сибири (Новониколаевск). 1917. 3 марта.

Слова благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00313а.